

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В
РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Султанова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Шермаматова Мардона Умидовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В данной статье исследуются ключевые векторы грамматической трансформации в речи современной молодежи. Анализирует процессы демократизации языка, ослабление строгих синтаксических норм и влияние цифровой коммуникации на морфологический строй речи. Особое внимание уделяется аналитизму, интерференции и новым способам выражения модальности.

Ключевые слова: молодежный жаргон, грамматическая вариативность, аналитизм, цифровая лингвистика, речевая динамика.

Abstract. This article explores the key vectors of grammatical transformation in the speech of modern youth. The author analyzes the processes of language democratization, the weakening of strict syntactic norms, and the influence of digital communication on the morphological structure of speech. Special attention is paid to analyticity, interference, and new ways of expressing modality.

Keywords: youth jargon, grammatical variability, analyticism, digital linguistics, speech dynamics.

Современная языковая ситуация характеризуется стремительным размыванием классической литературной нормы под мощным давлением молодежного социолекта. Грамматика перестает быть «жестким каркасом» и превращается в адаптивный инструмент, подстраивающийся под скорость передачи информации. Основной вектор изменений направлен в сторону

аналитизма — явления, при котором грамматические значения передаются не через изменение окончаний, а с помощью контекста, порядка слов и служебных частей речи. Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса становится упрощение падежной системы при использовании заимствований. Молодежь все чаще отказывается от склонения иноязычных неологизмов, оставляя их в «замороженном» виде, что напоминает структуру английского языка. Например, конструкции типа «в моем профиль» или «после апдейт» становятся маркерами экономии речевых усилий. Как отмечал М. Кронгауз в своих критических разборах современной речевой практики, язык в эпоху интернета стремится к максимальной компрессии, что неизбежно ведет к утрате некоторых флективных связей [1, с. 88].

Интересно рассмотреть этот процесс через призму художественного осмысления языка в классической литературе. Если вспомнить размышления о «живом великорусском слове», то современные изменения можно представить как бурный поток, который смывает вековые наслоения сложных окончаний, оставляя лишь корень смысла. Нынешняя молодежная речь — это «сброс старой кожи», где грамматика приносится в жертву функциональности. Синтаксис молодежной речи также претерпевает радикальную трансформацию. Наблюдается переход от сложных гипотаксических конструкций (придаточных предложений) к парцелляции и нанизыванию простых фраз. Это явление часто называют «клиповым синтаксисом». Такая фрагментарность речи отражает структуру цифрового потребления информации: короткие сообщения в мессенджерах диктуют отказ от союзов и сложных знаков препинания. Более того, в речи подростков и студентов фиксируется расширение функций инфинитива. Он начинает использоваться для выражения приказа, желания или даже состояния без использования личных форм глагола («Пойти погулять», «Чиллить весь день»). Это сближает русский язык с логикой компьютерных команд, где действие важнее субъекта. Подобные сдвиги свидетельствуют о росте субъективности и эмоциональности в ущерб объективной логике изложения. Еще одним важным направлением

является экспансия аналитических конструкций с глаголами-десемантизаторами. Вместо полноценного глагола молодежь предпочитает связку «делать + существительное» (делать чекап, делать хейт). Это не просто заимствование, а изменение самой логики словообразования, когда грамматическое значение переносится на универсальный вспомогательный элемент. Данная тенденция, по мнению лингвистов, является ответом на глобализацию языкового пространства.

Проблема нормы в этом контексте стоит особенно остро. То, что раньше считалось ошибкой (например, употребление среднего рода вместо мужского или неверное согласование), сегодня воспринимается в молодежной среде как вариант нормы или даже как элемент языковой игры. Художественное восприятие этого процесса позволяет увидеть в нем не деградацию, а поиск новой эстетики — эстетики лаконичности и непосредственности. Если классическая грамматика была подобна строгому архитектурному ансамблю, то речь современного молодого человека — это мобильный модульный дом, который перестраивается на ходу. Язык молодежи становится пространством «освобождения» от идеологических и академических оков. По его мнению, грамматические вольности — это форма социального протеста, выраженная через отказ подчиняться правилам «взрослого» мира. Изменения в грамматике неразрывно связаны с психологией поколения. Современная молодежная речь выступает в роли лингвистического полигона. Здесь обкатываются те формы, которые через 20–30 лет могут стать общелитературной нормой. Грамматический сдвиг от синтетизма к аналитизму, упрощение синтаксических связей и доминирование глагольных новообразований — это не случайные флуктуации, а закономерный этап эволюции языка в информационном обществе.

В современной молодежной коммуникации наблюдается отчетливая тенденция к «родовой нейтрализации». Использование существительных общего рода или переосмысление традиционных категорий мужского и женского рода в пользу среднего (или вовсе отказ от согласования по роду в

цифровой среде) свидетельствует о поиске гендерно-нейтральных конструкций. Это особенно заметно в профессиональном сленге IT-сферы и творческих индустрий, где слова типа «авторка», «дизайнерка» или, напротив, использование мужского рода для всех субъектов («мой бро» в отношении девушки) создают новую систему координат. Это можно сравнить с попыткой алхимика выделить чистую суть предмета, отбросив внешние атрибуты. Если классическая литература видела в категории рода глубокий символизм и «душу» существительного, то современный дискурс превращает род в подвижный маркер, который можно менять в зависимости от коммуникативной задачи. В художественном изложении идеи о «текучести» языка, молодежная речь предстает как пластилин, из которого лепится форма, актуальная лишь в моменте «здесь и сейчас».

Существенные сдвиги происходят и в системе глагольного управления. Наблюдается экспансия предлога «о» (или «про») там, где традиционно требовалось беспредложное управление. Конструкции типа «хейтить о ситуации» вместо «хейтить ситуацию» или «рефлексовать про отношения» становятся массовыми. Это явление Л. Крысин связывает с процессом унификации предложных конструкций: язык стремится использовать универсальные связки для описания ментальных и эмоциональных процессов, что упрощает когнитивную нагрузку на говорящего [3, с. 215]. В частности, отмечается, что предлог «за» в молодежной среде приобретает новые значения, заменяя собой причинно-следственные союзы и другие предлоги («я за это не шарю», «пришел за уточнить»). Такая диффузия значений свидетельствует о перестройке логических связей внутри предложения, где предлог становится не просто грамматическим служебным словом, а эмоциональным оператором.

Важным аспектом является трансформация степеней сравнения прилагательных и наречий. В речи молодежи фиксируется избыточность (плеонастичность) грамматических форм: «самый лучший», «более интереснее». С точки зрения строгой нормы — это ошибка, но в живой речи это работает как усилитель экспрессии. Язык словно «не доверяет» одной лишь

морфологической форме и дублирует значение лексически. Современный носитель языка испытывает дефицит выразительных средств, поэтому прибегает к «грамматической гиперболизации», чтобы пробить барьер информационного шума. Специфика цифрового письма также породила уникальное явление — грамматикализацию пунктуации и регистра. Отсутствие точки в конце сообщения в мессенджере само по себе становится грамматическим маркером дружелюбия или незавершенности мысли, в то время как точка воспринимается как знак агрессии или формальной сухости. Использование капслова функционально заменяет восклицательные знаки и эмфатические конструкции. Это позволяет говорить о формировании «визуальной грамматики», где начертание слова берет на себя часть синтаксических функций. Можно представить этот процесс как возвращение к пиктографическому письму на новом технологическом витке. Знаки препинания и смайлы перестают быть вспомогательными элементами и встраиваются в синтаксическое дерево предложения на правах полноценных членов. Мы видим, как «скелет» предложения обростает новыми «связками», которые не описаны в учебниках, но интуитивно понятны миллионам пользователей.

Особое внимание стоит уделить явлению эллипсиса — намеренному пропуску слов, которые легко восстанавливаются из контекста. В молодежной речи эллипсис достигает предела: «Ты как?», «Я — норм», «Завтра в пять». Это не просто сокращение, а переход на уровень «телепатической» коммуникации, где общность культурного кода позволяет минимизировать языковые затраты. Однако, как отмечают критики в области социолингвистики, такая сверхадаптивность ведет к герметизации языка: речь молодежи становится понятной только «своим», выполняя функцию пароля.

Грамматические инновации в речи молодежи — это не хаотичный набор ошибок, а системный ответ языка на вызовы времени. Основные направления этих изменений:

- Аналитизм: перенос грамматической нагрузки с окончаний на предлоги и порядок слов.
- Экономия: упрощение сложных синтаксических конструкций и использование эллипсиса.
- Гибридизация: активное включение иноязычных моделей управления и словообразования.
- Экспрессивность: создание избыточных форм для усиления эмоционального воздействия. Язык молодежи сегодня — это динамичная лаборатория, где создается грамматика будущего. Несмотря на скепсис пуристов, эти процессы отражают живую жизнь языка, его способность адаптироваться и развиваться, сохраняя свою коммуникативную эффективность в стремительно меняющемся мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017. — 512 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
3. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
4. Гусейнов Г. Ч. Заметки к антропологии русского интернета. — М.: НЛО, 2000. — 256 с.